

И.Е. Андронов

**ПАПСКАЯ ОБЛАСТЬ В 1815–1848 гг.
В КОНТЕКСТЕ ИТАЛЬЯНСКОГО РИСОРДЖИМЕНТО**

I.E. Andronov

**PAPAL STATES 1815–1848
IN RISORGIMENTO CONTEXT**

Аннотация. Судьба Папской области в ходе объединения Италии представляет особый научный интерес. Несмотря на усилившееся в годы Реставрации экономическое отставание своего государства, папство стремилось сохранить влияние в итальянской и европейской политике. Традиции управления теократическим государством вобрали многое из практики руководства католической церковью, что привело к формированию особой политической культуры. Благодаря ей в политической практике Папской области первой половины XIX в. стали оригинальным образом сочетаться крайне ретроградные элементы и идеологическое новаторство, позволившее использовать потенциал католической доктрины и сохранить ведущую политическую роль на Апеннинском полуострове. В начале 1840-х гг. складывается учение неогвельфизма, согласно которому папству уготована особая миссия в политическом возрождении и объединении Италии. Это учение обрело широкий отклик на территории всего Апеннинского полуострова и за его пределами. Целью данной статьи является анализ политических и административных практик папства, своеобразия его политической культуры и общественного климата. Для Папской области характерно сложное сочетание светских и церковных приемов воздействия на общество. Представления о политической роли папского государства и его ближайших перспективах были часто обусловлены не столько его объективным потенциалом, сколько вековой убежденностью в коренных отличиях природы этого государства от природы его итальянских соседей. Новаторский курс, взятый новоизбранным папой Пием IX в 1846–1847 гг., серьезно подорвал эту убежденность, но не отдалил модель политической эволюции Папской области от судеб некоторых других итальянских государств. Выявление особенностей политической культуры Папской области возможно только при изучении круга специфических источников. В статье рассмотрены основные официальные документы Курии религиозно-

Андронов Илья Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
Andronov Ilya Evgenievich, Doctor in History, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-916-777-28-26; orgizomenos@gmail.com

ного и светского характера, свидетельства, оставленные публицистической и художественной литературой эпохи. Полученные результаты позволят лучше понять состояние папского государства накануне революции 1848 г., а также причины последующего консервативного поворота.

Ключевые слова: папство, Рисорджименто, Реставрация в Италии, неогвельфизм, Ф.Р. де Ламеннэ, Григорий XVI, Пий IX.

Abstract. The fate of the Papal States during the unification of Italy is of particular scientific interest. Despite the economic backwardness of the state, which was aggravated during the years of the Restoration, the papacy sought to maintain its influence in Italian and European politics. The traditions of the theocratic state management absorbed much from the practice of governing the Catholic Church, which led to the formation of a special political culture. Due to this, the political practice of the Papal States in the first half of the 19th century combined extremely retrograde elements and ideological innovation in an original way, which made it possible to use the potential of the Catholic doctrine and maintain a leading political role in the Apennines. The early 1840s saw the crystallization of the doctrine of neo-Guelphism, which believed that the papacy was destined for a special mission in the political revival and unification of Italy. This doctrine evoked a wide response throughout the entire Apennines and beyond. The purpose of this article is to analyse the political and administrative practices of the papacy, the uniqueness of its political culture and social climate. The Papal States are characterized by a complex combination of secular and ecclesiastical methods of influencing society. Ideas about the political role of the papal state and its immediate prospects were often formed not so much around its objective potential as by centuries-old belief in the fundamental differences between the nature of this state and the nature of its Italian neighbours. The innovative course taken by the newly elected Pope Pius IX in 1846–1847 seriously undermined this conviction, but did not alienate the model of the political evolution of the Papal States from the fate of some other Italian states. Identification of the features of the political culture of the Papal States is possible only by studying a range of specific sources. The article deals with the basic official, religious and secular, documents of the Curia, and the evidence left by the publicist and fictional literature of the era. The results of the study will allow a better understanding of the condition of the papal state on the eve of the 1848 revolution, as well as the reasons for the subsequent conservative turn.

Keywords: papacy, Risorgimento, Restoration in Italy, neo-Guelphism, F.R. de Lamennais, Gregory XVI, Pius IX.

* * *

История Италии Нового времени традиционно изучается и преподается сквозь призму крупнейшего политического события — объединения ряда государств региона в единое Итальянское королевство (1861 г.). Этот процесс, получивший в науке название Рисорджименто, рассматривается как самодостаточное явление. Даже в наиболее непредвзятой практике, независимой от традиций

школьного обучения и государственной пропаганды, Рисорджименто представляют абсолютом исторической логики, естественным и безальтернативным процессом. Его историческое значение выходит далеко за пределы хронологических рамок. Например, внешняя политика Италии в конце XIX и начале XX в. рассматривается как продолжение линии «собираания земель», в которую отлично вписываются ирредентизм и даже маневрирование внешнеполитического курса Италии между Тройственным союзом и Антантой.

Между тем продолжительность Рисорджименто, сложности реализации политических программ, трудности с вовлечением широких народных масс в политическую деятельность — всё это указывает на наличие достаточно многочисленной оппозиции, неоднородной по социальному составу и способной затруднить реализацию политических программ. Очевидно, важнейшей противодействующей силой были элиты ряда «старых», ликвидированных в ходе Рисорджименто, государственных образований. Эти элиты включали в себя старинную аристократию (некоторые семейства прослеживали свою родословную с эпохи Возрождения), офицерство; кроме них имелись и другие консервативно настроенные слои (ревностные католики, крестьянство Юга и др.).

Удельный вес этих слоев в разных государствах Италии был различным. На Юге Италии более заметную роль играли городские нищие, принявшие, например, активное участие в разгроме карбонарской революции в Неаполе 1820 г. На Севере в ряде случаев на первый план выходила старинная аристократия. Так, известны эпизоды инспирированных аристократическими фамилиями волнений после декабрьской конвенции 1864 г., зафиксировавшей решение о переносе столицы во Флоренцию.

Особую роль в противодействии проектам политического объединения Италии сыграла Папская область. Своеобразие этого государства, расположенного в центральной части Апеннинского полуострова, не ограничивалось его теократическим устройством. Наметившееся еще в эпоху Просвещения расхождение между его политическим влиянием (на Апеннингах и в Европе) и экономическим потенциалом превратилось к середине XIX в. в глубокий разрыв, что привело к целому ряду противоречивых шагов, непредсказуемых поворотов и несбыточных надежд. Специфический подход к решению проблем экономики, глубокая уверенность в непогрешимости ответственных лиц, пренебрежение к культурным и мировоззренческим особенностям населения привели к глубокому кризису папской государственности, а в конечном счете — к бесповоротной ликвидации светской власти понтифика.

В то же время, существование самого института папства, его присутствие в качестве одного из акторов светского политического действия придавали Рисорджименто особый характер. Идеология этого политического движения представляла собой противоречивый конгломерат различных учений, важным элементом которого был религиозный компонент. В определенный момент папство — одна из ведущих политических сил на полуострове — рассматривалось в качестве политического лидера и морального ориентира Рисорджименто. В современной историографии изучается идейное наследие отдельных политических лидеров Папской области, всплеск энтузиазма, связанный с избранием Пия IX в 1846 г. Своеобразие судьбы этого государства в ходе Рисорджименто, его культурные и мировоззренческие особенности, обусловившие повороты этой судьбы, остаются слабо изученными. Возможно, причиной тому является традиционная принадлежность этой тематики к полю исследования историков правого толка или тех, кто выступает от имени институтов католической церкви. Историки левого направления, особенно в Италии, долгое время изучали Рисорджименто в его целостном виде, избегая выделения Папской области на культурном или мировоззренческом уровне. В последние два десятилетия наметилась тенденция к пересмотру многих (главным образом положительных) оценок Рисорджименто, ранее казавшихся незыблемыми, однако до вышеуказанной проблемы дело пока не дошло. На повестку дня выходит изучение политической культуры, общественного климата не в абстрактной, еще не объединившейся Италии, а в конкретных государствах, ее составлявших. Сложность и неоднозначность роли папства как идеологического, а в первую очередь — административного стержня светского государства в период масштабных перемен второй и третьей четверти XIX в. станет основным объектом рассмотрения в данной статье. В качестве основного источника были привлечены программные документы папства (энциклики и буллы), которым отводилась роль не только идеологического инструмента властвования в католическом мире, но и средства решения конкретных, актуальных политических и экономических задач. Общественный климат удобнее всего оценить по публицистической литературе эпохи, а также свидетельствам французского писателя Стендаля — умного наблюдателя, настроенного критически и готового постоянно сопоставлять увиденное и услышанное с тем, что он видел у себя на родине и в других итальянских городах.

Помещение Папской области в контекст Рисорджименто подразумевает, прежде всего, сопоставление ее административных

практик, идеологических постулатов, культурных установок с реалиями других итальянских государств, в первую очередь — с географически и культурно близким Королевством Обеих Сицилий со столицей в Неаполе. Хронологические рамки данной статьи объясняются ее проблематикой. В 1815 г. Венский конгресс подвел черту под наполеоновской эпохой, и в Риме была воссоздана система государственного управления; торжество католической идеи способствовало возвращению идеологических ориентиров ушедшей эпохи. Возврат в прошлое, впрочем, оказался невозможен. Новый поворот во внутренней политике Папской области и изменение ее роли в процессе национального возрождения Италии произошел после избрания в 1846 г. папы Пия IX, его либеральных нововведений; революция 1848–1849 гг. в Италии стала началом нового исторического этапа как в Рисорджименто, так и в истории Папского государства; этот этап остается за рамками данного исследования.

С каким багажом вступила Папская область в эпоху Реставрации? Реформы просвещенного абсолютизма едва ее коснулись. В раннее Новое время там исторически сложились явления и практики, затруднявшие развитие торговли и предпринимательства в сельском хозяйстве. Доминирующее положение в сельском хозяйстве занимали крупные владения (латифундии), часто принадлежавшие представителям крупнейших олигархических семейств (Орсини, Колонна и др.), веками боровшихся друг с другом за папский престол. В городском ремесле на протяжении всего XVIII в. безраздельно господствовал цеховой порядок, уже ликвидированный в ряде европейских стран. Архаичной была и система налогообложения. Дополнительным тормозом для развития экономики стали таможенные границы по периметру городов, установленные чаще всего по линии городских стен. Эта мера в Средневековье была призвана повышать заинтересованность сельскохозяйственных производителей (в первую очередь, хлеботорговцев) в дифференцированной торговле: дорогим товаром — в центре городов и более дешевым — у городских ворот; важнейшей ее функцией было обогащение казны, прежде всего — за счет городской бедноты.

Предпринятые в понтификат Климента XI (1700–1721) попытки реформировать структуру земельной собственности и улучшить положение сельскохозяйственных работников за счет латифундистов окончились ничем, поскольку сами собственники их игнорировали. Первый кадастр был принят лишь Пием VI (понтификат 1775–1799) в 1777 г., что несколько усовершенствовало систему налогообло-

жения¹. В XIX в. экономический уклад папского государства во многих отношениях выглядел глубоко архаичным². Однако, если в ряде других стран регулярно поднимался вопрос о систематическом реформировании экономической системы (например, в духе Кольбера³), то в Риме существовала убежденность в справедливости и незыблемости сложившегося порядка, разумного в силу многовековой традиции.

Теория о единственно разумной политике католической церкви, особо следящей за незыблемостью сложившегося порядка на папских территориях, была выпестована в ходе Контрреформации. Будучи важнейшим идеологическим оплотом самого существования светского государства церкви, эта теория оставалась практически непреодолимым препятствием на пути социального или экономического обновления государства. Сложности балансирования между крупными державами, отсутствие мощной армии уже в XVIII в. придавали особую ценность консервативным идеологическим постулатам.

Следующие реформы связаны с именем Пия VII (понтификат 1800–1821). Вскоре после интронизации папа столкнулся с полным разорением населения Рима в результате французской оккупационной политики и был вынужден предпринять шаги по либерализации торговли и ограничению власти цехов. После возвращения из наполеоновского пленения 1809–1814 гг. Пий VII отменил ряд наиболее

¹ Отметим, что первый кадастр в Неаполитанском королевстве был декретирован Карлом VII в 1740 г., а в Сардинском королевстве — в 1731 г. Первые проекты кадастра окрестностей Рима (*Agro Romano*) восходят к 1660 г., но они почти не имели практического значения, к тому же не были основаны на единых критериях и сохраняли фрагментарность.

² Эта архаичность была сугубо сознательной и представляла собой важнейший идеологический постулат. Например, в официальном, прошедшем все цензурные препоны Статистическом ежегоднике 1840 г. (*Cenni economico-statistici sullo Stato Pontificio. Roma, 1840*) содержался анализ экономической эффективности земель Лацио (р. 437–541). Там были выделены показатели по агрономии, «сельской экономике», «частной» и «общественной экономике», все выкладки систематизированы хронологически и основываются на охвате эпох от основания Города. Важными рубежами выступают реформы Сервия Туллия, Первая пуническая война, эпоха Августа, упадок империи, а период «от установления светской власти пап до наших дней» представляет собой эпилог. Seriously обсуждаются нормы наделения земель, известные по античным источникам, и их соответствие реальным потребностям людей. Примеров такого рода — великое множество.

³ Ж.-Б. Кольбер (1619–1683) — французский государственный деятель, министр финансов, фактический лидер французской экономической политики в 1665–1683 гг. Проведенные им меры меркантилистского толка (увеличение экспорта, борьба за повышение собираемости налогов, развитие дорожной сети и поощрение торговли) стимулировали экономическое развитие Франции и создание колониальной империи.

одиозных ограничений в области светского высшего образования, что, при всей символичности и значительном моральном эффекте, не могло сократить колоссального отставания в этой области не только от крупнейших европейских центров, но даже от столиц других итальянских государств.

Представления о сакральности собственной светской власти, распространенные в политических верхах Папской области, существенно отличались от подобных представлений, распространенных при дворах других европейских государей. Практика Французской революции фактически положила конец эффективному использованию этих представлений для политических целей везде, но только не в Риме. В целом ряде официальных документов папства мы можем проследить последовательный курс на подтверждение этой сакральности, не подлежащей никакому обсуждению⁴.

Присоединенный к Австрийской империи Север Италии (получивший название Ломбардо-Венецианского королевства), герцогство Парма и Великое герцогство Тоскана стали территориями культурного и политического компромисса между их населением и новыми австрийскими хозяевами региона. Папская область относилась к группе итальянских государств, в наибольшей степени стремившихся преодолеть наследие революции и наполеоновской эпохи. Непосредственное австрийское присутствие ощущалось в Риме в меньшей степени, нежели в ряде других итальянских государств. Важным ориентиром не только для правящих кругов, но и для других причастных политическому сознанию сил (от интеллектуалов до карбонариев) стали события у южных соседей. Король Обеих Сицилий Фердинанд I, как и папа Пий VII, наотрез отказался давать своим подданным конституцию, что обеспечило всему Югу Италии особый масштаб деятельности тайных обществ заговорщиков, а также наложившийся на вековую традицию разгул сельского бандитизма.

Фердинанд, как и Пий VII, имел опыт первой реставрации 1799 г. (в отличие от других воцарившихся на Апенниннах монархов), что позволило ему действовать в соответствии с цельной и продуманной политической линией. Так, в Неаполе была проведена полная

⁴ Весьма показательны в этом отношении энциклики *Traditi humilitati* (Пий VIII, 1829), *Mirari vos* (Григорий XVI, 1832) и особенно *Quanta cura* (Пий IX, 1864) с приложенным к ней знаменитым Силлабусом — перечнем из 80 «ошибочных утверждений», среди которых оказались почти все политические идеологии Западной Европы середины XIX в. Линия продолжилась и после ликвидации светской власти папы — в выступлениях Льва XIII (см., в частности, энциклики 1878 г. *Inscrutabili Dei consilio* и особенно *Quod apostolici muneris*).

политическая амнистия, были признаны все отчуждения собственности эпохи французского господства, а также титулы и звания, присвоенные королем Мюратом. Тем чиновникам и офицерам, которые не присягали французской власти (для простоты они именовались «легитимистами»), было гарантировано одинаковое обхождение с теми, кто сделал карьеру при Мюрате. Таким образом, в Королевстве Обеих Сицилий были четко очерчены границы реставрации, включавшие в себя признание глубоких социальных и экономических перемен периода правления «короля Джоаккино». Сделать это было тем более необходимо, что вернувшаяся с Фердинандом из Сицилии в Неаполь аристократия стремилась к тотальной реставрации; начавшиеся гонения на карбонариев привели к обострению социальной напряженности и заставили короля смягчить политический курс. Новый премьер-министр Де Медичи установил строгое единство законодательства и налогообложения на всей территории королевства (что было непросто, принимая во внимание различие в исторической судьбе Сицилии и Неаполитанского королевства в последние годы). Ликвидация столичного статуса Палермо, введение внутренних таможенных барьеров, единые нормы рекрутского набора вкуче с отменой гордости сицилийцев — Конституции 1812 г. — стали ценой вступления острова в Королевство Обеих Сицилий, что осложняло внутривосточное положение государства вплоть до его ликвидации.

С целью пригасить недовольство масс Де Медичи предпринял некоторые меры по сокращению расходной части бюджета, что позволило бы избежать усиления налогового давления. Расходы на преодоление наследия продолжительной войны и на содержание австрийского военного присутствия привели в 1817 г. к глубокому финансовому кризису. Для выхода из него министр был вынужден резко сократить общественные расходы, обратиться к внешним источникам государственного займа и настоять на выводе австрийских гарнизонов⁵.

⁵ Подробно экономическая политика Де Медичи и ее последствия рассмотрены в классическом труде Розарио Ромео: *Romeo R. Mezzogiorno e Sicilia nel Risorgimento*. Napoli, 1963. P. 72ss. Отметим, что принятый в Королевстве Обеих Сицилий в первые годы Реставрации курс сохранялся вплоть до ликвидации королевства в 1860 г. Выбранная модель сокращения расходной части бюджета показала настолько привлекательной, что превратилась в своего рода культурный стереотип: сокращение расходов коснулось даже военного и военно-морского ведомств. Именно резкое сокращение расходов на развитие дорожной сети, транспорта и других элементов инфраструктуры (а также отказ от мер, стимулирующих развитие ремесел, мелкой торговли и предпринимательства) привело к нарастающему отставанию Юга Италии от других областей в экономическом и социальном отношении; это отставание, приобретенное в конце концов системный

Провозглашенный курс на создание «административного государства» и «политику амальгамы», предназначенную сплотить все социальные группы и население всех регионов Юга, на деле обеспечил застой в общественных отношениях и нарастающее экономическое отставание, но в короткой временной перспективе представлялся весьма эффективным решением характерных для региона проблем.

Папский министр кардинал Консальви, таким образом, имел перед собой развернутую программу действий. Многие внешние факторы, как и обстоятельства внутренней жизни, сближали Папскую область и Королевство Обеих Сицилий, однако имелись и существенные различия. Прежде всего, иным был механизм принятия решений. Властная верхушка была далека от единомыслия; значительное влияние сохранила группа ультраконсервативных кардиналов, так называемых дзеланти⁶. Папский абсолютизм сохранялся на уровне политической доктрины вплоть до самой ликвидации государственного образования. Рим заключил с рядом итальянских государств несколько конкордатов, в которых сумел в целом отстоять свои юридические и имущественные интересы (особенно по сравнению с наполеоновским Конкордатов 1803 г.). Добавим к этому, что Курия, в отличие от целого ряда европейских дворов, не была связана условиями Заключительного акта Венского конгресса и сразу после восстановления суверенитета на части Папской области (в Лацио и Умбрии) начала последовательно ликвидировать все следы «нечестивого французского режима»: в Лацио и Умбрии были восстановлены все старинные правовые и налоговые обычаи,

характер, еще практически не ощущалось в общественной дискуссии предшествующих Реставрации эпох. Безусловно, «проблема Юга» обсуждалась и ранее, но выглядела совершенно иначе. Общим было требование предоставления должностей и феодов представителям местных, а не пришлых элит. Важнейшей темой итальянского Просвещения в отношении Юга было несовершенство налогообложения и отток денежных средств за границу (см.: *Бондарчук В.С. Итальянское Просвещение // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. М., 2002. С. 161–178*), т.е. те самые факторы, которые были успешно преодолены администрацией Фердинанда I после ликвидации французского господства в 1814 г.

⁶ В годы Реставрации латинизм *zelante* (от *zelo* — рвение, в том числе религиозное) означал влиятельную группу кардиналов крайне консервативных убеждений, ориентировавшихся на церковную практику дореволюционной эпохи. Оппозицию им составляли умеренные (так называемые *politiciani*), из среды которых происходил не только кардинал Консальви, но и сам Пий VII. Джорджо Канделоро поддержал точку зрения, согласно которой *zelanti* — это секта ветеранов санфедистского движения, наследница старинного тайного «Общества миролюбивых» (*Rasifici*) или «Святого единства» (*Santa Unione*), проявившая себя в реакции на революцию 1799 г. и в подпольной борьбе католиков периода наполеоновского господства (см.: *Канделоро Дж. История современной Италии. Т. 2. М., 1961. С. 63*).

привилегии знати и церковников; среди прочих нововведений были отменены вакцинация от оспы и освещение улиц⁷. Некоторая часть наполеоновских законов была сохранена в областях, как тогда говорилось, «второй очереди возвращения» (прилегающие к Адриатическому побережью области Марке и Легатства). Административная практика была несколько модернизирована, но различия между территориями, в том числе между столицей и провинцией, между городом и деревней, между различными историческими областями — сохранялись. Отчуждение церковной собственности по большей части признавалось, но государство брало на себя обязанность в какой-то степени компенсировать потери бывшим собственникам. Налоги на земельную собственность были восстановлены без учета иммунитетов (столь распространенных в государстве, где заправляли церковники), но при определении сумм был использован старый кадастр Пия VI со всеми его недостатками. Всё законодательство наполеоновской эпохи было отменено. Были введены новые процессуальный и торговый кодексы, а в остальном произошел полный возврат к дореволюционным нормам.

Попытка сделать так же, как в Неаполе, провалилась. В 1818 г. сбор налогов частично был передан местным администрациям, и эта практика привела к постепенному, но стабильному росту налогового давления на население. Довольно высокие таможенные тарифы были определены неясно, что вызывало конфликты⁸. Льготы, распространявшиеся на кардиналов и иностранных послов, вызывали массу злоупотреблений и лишили таможенные тарифы минимального экономического смысла⁹. Хлынувшее на внутренний рынок российское зерно обогатило некоторых лиц, но разорило местных производителей. Хлебная торговля вступила в полосу глубокого кризиса. Серьезной проблемой было засилье церковников в образовании (которое также сильно отставало от образования в других частях Италии, особенно в Тоскане). Церковь сохраняла монополию на доступ к высшим должностям. Если Консальви еще пытался бороться с этим явлением, то после его отставки (Пий VII умер в 1823 г.) неэффективность и коррупция правительства достигли стабильного максимума. Характеризуя безнаказанность церковных иерархов на территории

⁷ Woolf S.J. *La storia politica e sociale // Storia d'Italia*. V. 3. Torino, 1973. P. 257s.

⁸ Примечательно, что попытки навести порядок в таможенных тарифах были предприняты в Легатствах только после подавления там карбонарской революции 1831 г. (*Bollettino di tutte le notificazioni, leggi e decreti pubblicati dal governo della città e della provincia di Bologna non che dal Comando militare*. Bologna, 1832).

⁹ Woolf S.J. *Op. cit.* P. 258.

Папской области, Пеллегрини Росси немного позже писал: «Кардинал в Риме — князь, а в провинции — паша»¹⁰.

Выступления карбонариев в 1820–1821 гг. напугали многих итальянских государей. В области Лацио они наложились на криминальный «фон» сельского бандитизма (известного под названием *brigantaggio* и бывшего печальной традицией Центральной и Южной Италии с раннего Нового времени¹¹). Новый папа Лев XII (понтификат 1823–1829) оказался в очень сложном положении. Поначалу он, как и его предшественник, пытался реформировать налогообложение, поскольку финансовое положение государства было весьма плачевным. После некоторых попыток сократить расходную часть бюджета выход из ситуации стали искать в более традиционных для Святого престола мерах: 1825 год был объявлен Юбилейным. Приток огромных масс верующих, привлеченных невиданным размахом и торжественностью церковных церемоний, должен был принести огромный доход, но реальные итоги оказались куда скромнее. Противоречивым было и моральное воздействие атмосферы этого мероприятия на римлян и многочисленных паломников. Во время Юбилея (по ряду политических причин следующий будет отпразднован лишь в 1900 г.) были запрещены балы, театральные представления и даже выступления уличных артистов и музыкантов. 23 ноября 1825 г. в рамках Юбилея на площади Пьяцца дель Пополо была проведена публичная казнь двух молодых карбонариев¹².

Юбилей 1825 г., безусловно, был специфическим событием, имевшим, в первую очередь, религиозный смысл. По замыслу Льва XII, он должен был сплотить паству вокруг католической твердыни, через прикосновение к римским святыням укрепить ее веру,

¹⁰ Цит. по: *Demarco D. Il tramonto dello Stato Pontificio. Il Papato di Gregorio XVI. Torino, 1949. P. 26.* Интересно охарактеризовал положение кардиналов Стендаль. Огромная пропасть между кардиналами и окружающим населением подчеркивалась снисходительным отношением кардиналов буквально ко всем остальным членам общества. «Два-три раза в жизни кардинал выбирает государя, в остальном же он смеется над всеми законами» (*Стендаль. Собр. соч.*: в 15 т. Т. 9. М., 1959. С. 186).

¹¹ Преемственность сельского бандитизма на протяжении всего XIX в. была вполне очевидна современникам, равно как и его связь с социальными проблемами. Даниэла Адорни построила свое исследование бандитизма на документах (официальных и не только), циркулировавших в придворной среде Турина; ее материалы полностью подтверждают как понимание сложности этого явления, так и склонность чиновников к силовым способам решения проблемы (*Adorni D. Il brigantaggio // Storia d'Italia. Annali 12. La criminalità. Torino, 1997. P. 283–322.*)

¹² Крайне интересные свидетельства о царивших в Риме слухах, настроениях и суевериях по поводу этого Юбилея оставил Стендаль в «Прогулках по Риму» (записки датированы 1827–1829 гг.) (*Стендаль. Собр. соч. Т. 10.*)

а посредством массовой индульгенции¹³ наполнить ее чувством оптимизма и уверенности в завтрашнем дне. Тем не менее, обстоятельства его проведения отражают некоторые важные моменты в мировоззрении лидеров папского государства, характерные для того времени. Прежде всего, отметим уверенность Льва XII и его окружения в том, что подобное мероприятие может служить значительному повышению престижа папства в ситуации, в которой другие государи традиционно обращались к мнению интеллектуальной элиты, министров с опытом экономических преобразований или к опыту друг друга. Мировоззренческие стереотипы, безраздельно царившие при папском дворе, предлагали иные модели управления. Так, в качестве идеологической опоры выступал обоснованный еще в эпоху Контрреформации тезис о незыблемости политики церкви от времен ее основания Иисусом Христом до настоящего времени; руководство страной отождествлялось с руководством церковью. Круг лиц, имевших доступ к понтифику при обсуждении административных вопросов, чаще всего ограничивался коллегией кардиналов¹⁴. Специфическая среда профессионального формирования этих людей была причиной того, что при выборе средств воздействия на экономическую и культурную реальность предпочтение отдавалось традиционным методам, к тому же сохранявшим пока свою действенность в сфере внешней политики или идеологии (диалог с монархами, проповедь, буллы и энциклики). Сохраняющаяся определенная эффективность традиционных методов ведения дел в некоторых сферах стала причиной того, что поиск новых путей хозяйствования не представлялся необходимым, а порой казался и идеологически неприемлемым. Новые методы управления государством, получившие распространение в Европе первой половины XIX в., отождествлялись в Риме (вполне правомерно) с появлением новых политических и идеологических ориентиров. Церковь, делая ставку на сохранение и привлечение верующих, упорствовала в отвержении этих идей.

¹³ Суть мероприятия состояла в ежедневном посещении жителями Рима трех главных базилик (Соборов св. Петра, Сан Джованни ин Латерано, Санта Мария Маджоре) на протяжении 30 дней, гостями города — на протяжении 15 дней, что было главным условием полного отпущения грехов. Особая индульгенция была обещана тем, кто по болезни или в случае кончины не сможет реализовать этот план. См. энциклику *Quod hoc ineunte* от 24 мая 1824 г. (Tutte le Encicliche dei Sommi Pontefici. V. 1. Milano, 1959. P. 159–166). Базилика св. Павла (также относящаяся к разряду главных) сгорела в 1823 г. и еще не была восстановлена.

¹⁴ Некоторые министерские магистратуры, напротив, гарантировали исполнителям ее человеку кардинальское достоинство и место в Коллегии кардиналов. Спекуляции на эту тему упоминаются в эссеистике, в частности, в произведении Стендаля «Рим, Неаполь и Флоренция» (1817) (*Стендаль. Собр. соч.* Т. 9).

Карбонарские организации в Папской области распространились быстро под влиянием вент из Ломбардо-Венецианского королевства и Королевства Обеих Сицилий, но были плохо консолидированы и оформлены, во многом из-за жесткой репрессивной политики своего правительства. В понтификат Льва XII (1823–1829) усилились репрессивные меры; была проведена массовая операция под командованием специально назначенного в 1825 г. лица — «чрезвычайного легата» Риварола. В результате операции было арестовано свыше 500 человек, и впервые аресты докатились до столицы.

Преследования карбонариев имели печальные социальные последствия. Прежде всего, на фоне общеевропейского роста либеральных и демократических настроений в государствах итальянского Юга усилился абсолютизм, причем режимы оказались в большей социальной изоляции, чем несколькими годами ранее. Выросла подозрительность правителей к деятельности высших должностных лиц; министры, в свою очередь, были лишены стимула к инициативе: гарантией их пребывания в должности становилось полное согласие с волей монарха. Другой характерной чертой стало усиление клерикализма. Специальными распоряжениями Лев XII усилил строгости режима пребывания евреев в гетто (Григорий XVI позже вновь ужесточит этот режим, и только смена курса в начале правления Пия IX положит начало смягчению жестоких анахронистических норм)¹⁵. Во всех итальянских государствах после подавления первых карбонарских революций усилилась церковная цензура, монополия на образование (часто сосредоточенная в руках иезуитов). Повсеместно отмечалось показное благочестие, особенно на уровне официальной риторики и документов; отход от этой риторики в неофициальном общении не одобрялся. Эти перемены привели к массовой эмиграции свободомыслящих людей, что, помимо прочего, привело к распространению карбонарского движения за границу, к усилению заговорщических организаций в Испании, Португалии, Франции и Швейцарии.

Карбонарские революции 1831 г. в Италии набрали ход только в Модене и на севере Папской области. Существует мнение, согласно которому причиной этого является эффективная деятельность полиции в других итальянских государствах¹⁶. К факторам, способству-

¹⁵ Одним из наиболее громких дел первых недель понтификата Пия IX станет снос стен и ворот римского гетто и разрешение свободно выходить в город по ночам. Полная свобода, которой пользовались римские евреи в период французского господства до 1814 г., вернется только после ликвидации Папской области в 1870 г.

¹⁶ Woolf S.J. Op. cit. P. 292.

ющим заговорщическому движению в Папской области вообще и в годы Реставрации в частности, следует добавить также паралич государственного аппарата, наступающий каждый раз после кончины верховного правителя. Пий VIII умер 30 ноября 1830 г.; конклав был созван сразу же, но до 2 февраля 1831 г. не мог определиться с новым папой. Всё это время карбонарии были предоставлены самим себе; если заговор в Риме (в нем принял участие Луи Бонапарт, будущий император Франции) был раскрыт, то в провинции революционные настроения распространились с быстротой лесного пожара. Тем не менее, выступления 1831 г. были легко подавлены австрийской армией, поскольку восставшие города подчеркнуто придерживались принципа невмешательства в дела друг друга и не пожелали скоординировать свои действия.

Внутреннее беспокойство в Королевстве Обеих Сицилий и Папской области давало повод ряду патриотов уже в 1830-х гг. планировать начало общеитальянской революции на Юге или в Центре. Джузеппе Мадзини в газете «Молодая Италия» толковал это беспокойство как постоянную готовность к выступлениям, к революционному взрыву, для которого не хватало только небольшого толчка извне. Выступления сторонников Мадзини в Романье (1843) и Римини (1845) были быстро подавлены.

После репрессий 1833–1834 гг. (последовавших за последними карбонарскими революциями и выступлениями Мадзини в Савойе) революционная деятельность во всей Италии пошла на спад. Снизилась социальная напряженность, правители постепенно переставали отождествлять либералов с революционерами. В Ломбардо-Венецианском королевстве в 1838 г. даже последовала амнистия политических заключенных, которую подхватили другие итальянские государства, за исключением Королевства Обеих Сицилий (где правил Фердинанд II, 1830–1859) и Папской области (при папе Григории XVI, понтификат 1831–1846). В обоих государствах за основу новой идеологии было взято положение, что подрывные идеи не характерны для традиционных ценностей коренного населения и имеют очевидное иностранное происхождение. Фердинанд пошел по пути внешнеполитического изоляционизма, который должен был выступить заменой традиционной опоры на Австрию, и предпринял ряд шагов для укрепления армии и флота. Григорий XVI назначил госсекретарем кардинала Томмази Бернетти (уже занимавшего эту должность в конце понтификата Льва XII в 1828–1829 гг.). Бернетти учредил «корпус цензурионов» — репрессивную организацию для подавления инакомыслия. Довольно скоро эта организация вышла за пределы правового поля, однако ее основанная на политическом

насилие деятельность была столь же неэффективной, сколь и работа обычной полиции и других служб надзора за общественным мнением, коих в рядах церкви было несколько. Для этого периода характерна удивительная политическая апатия гражданского населения — любая политическая карьера, ответственные должности и право иметь собственное мнение были достоянием исключительно церковников. Коррупция стала настолько всеобъемлющей, что в обстановке тотальной неэффективности государства администрация Григория XVI с 1835 г. прекратила даже попытки составить государственный бюджет — ситуация, неслыханная в западноевропейской практике в XIX в. Как следствие, Папская область стала единственным государством Запада, которое в хозяйственной политике не пыталось как-то реагировать на новые вызовы меняющейся международной экономической конъюнктуры.

Препятствия для экономического развития, которые составляли рудименты феодального порядка, были проблемой, характерной для всех итальянских государств 1840-х гг. В Папской области и Королевстве Обеих Сицилий она выливалась в обнищание населения. Распространенной была точка зрения, согласно которой эффективными мерами по борьбе с нищетой были просвещение масс и филантропия¹⁷. Эти меры плохо работали даже в Тоскане; в Неаполе призывы к благотворительности сопровождались провозглашением свободы торговли и некоторыми послаблениями для благотворителей, однако в отсутствие эффективных коммуникаций (что было вызвано многолетней экономией на расходной части бюджета) государству приходилось действовать традиционно — переходить на «режим ручного управления», манипулируя ценами на зерно и вмешиваясь в рыночные отношения. Железнодорожное строительство в Королевстве Обеих Сицилий началось раньше, чем в других итальянских государствах, но продвигалось столь медленными темпами, что фактически новый вид транспорта оказался неспособен стимулировать экономическое развитие¹⁸. В Папской области не было и этого, поскольку Григорий XVI неодобрительно отозвался о железных дорогах, хотя предложения строительства линии от Болоньи до австрий-

¹⁷ *De Rita R. Il monte di pietà di Roma. Credito e beneficenza alla fine dell'Ottocento. Roma, 2011.*

¹⁸ Первой железнодорожной линией в Италии стала линия Неаполь — Портичи (1839 г.), соединяющая центр города с расположенным в 7,5 км к югу, на морском побережье, местом отдыха. К 1843 г. было построено около 40 км железных дорог, а к 1848 г. в эксплуатацию было введено около 100 километров линии, на которой Неаполь располагался примерно посередине (*Briano I. Storia delle ferrovie in Italia. Milano, 1977*). Отсутствие видимых экономических выгод некоторое время сдерживало строительство железных дорог в других итальянских государствах.

ского Милана звучали начиная с 1844 г.¹⁹ Идея о «гуманитарных» средствах борьбы с нищетой в Риме провалилась. Благотворительность, достигавшая в столице католического мира особого размаха, привела к непредсказуемым последствиям: местные нищие уже не искали заработка, а бедняки из окрестных земель съезжались в Рим, сокращая и без того скудный рынок рабочей силы в провинции. Интеллектуалы, в свою очередь, были озабочены тем, что известные еще в эпоху Просвещения рецепты оказывались недостаточными; они выдвигали более решительные требования отмены наиболее ненавистных косвенных налогов до учреждения общественных мастерских, благотворительных школ, больниц и других институтов. Так, Т. Мамиани²⁰ выступал с критикой существующих экономических теорий объединения Италии, обращая внимание на материальные и культурные интересы неимущего большинства.

Закрытый характер общества Папской области, его относительная изоляция от общеевропейской политической повестки позволяли до поры до времени поддерживать идеологическую устойчивость режима за счет полного подавления общественной дискуссии. Вместо нее обществу навязывалась модель одобрения или осуждения (чаще осуждения) понтификом того или иного явления в общественной жизни. Наличие такой модели делало излишним (и даже небезопасным) обсуждение публичных вопросов. Сельское население, жители небольших городов в своей массе сторонились обсуждения животрепещущих проблем. Кроме того, официально сформулированная в посланиях Курии точка зрения папы развернуто осуждала и сам принцип ведения широкой дискуссии теми, кто не уполномочен ее вести.

Основную угрозу своему существованию папство справедливо видело в набиравших популярность учениях, примирявших католическую религию и новые идеологии. Особое понимание в Италии в эпоху Реставрации встречали идеи одного из отцов христианского социализма Ф.Р. де Ламеннэ, основанные на возможности взаимовыгодного сосуществования католической церкви и демократических

¹⁹ Gallio S. Oggi è un'ora di viaggio. La costruzione della strada ferrata tra Milano e Bologna. Bologna, 2009.

²⁰ Mamiani T. Nostro parere intorno alle cose italiane. Parigi, 1839. P. 33–34. Теренцио Мамиани делла Ровере (1799–1885) — философ, политический мыслитель, видный идеолог умеренного течения Рисорджименто. Двоюродный брат Джакомо Леопарди. Министр внутренних дел карбонарского правительства в Болонье 1831 г., впоследствии жил в эмиграции. В сочинении “Del rinnovamento della filosofia antica italiana” (Parigi, 1834) высказывался в пользу решающей роли культурных факторов в выработке в народных массах национального самосознания: политические и военные выступления против Австрии он не считал достаточными для создания устойчивого итальянского государства.

свобод и ценностей. Путешествие Ламеннэ на Апеннины в 1824 г. способствовало распространению его идей в Италии. Итальянских интеллектуалов в первую очередь привлекал тезис о полном отделении церкви от государства, что позволило бы сочетать безусловное главенство папы в католической церкви с полным набором демократических свобод. Разумеется, такой подход рассматривался как коварная попытка подорвать политическую составляющую папской идеологии.

Направленные против Ламеннэ выступления церкви (в том числе энциклики Григория XVI *Mirari vos*, 1832 г. и особенно *Singulari vos*, 1834 г.) выглядят программными документами религиозного содержания. На деле их предназначение — прежде всего политическое. Сдерживать распространение вредной новой идеологии среди населения Папской области и окрестных итальянских государств — вот истинная цель этих воззваний. Если при этом достигается эффект причастности папства к «большой идеологии» (по аналогии с большой политикой), тем лучше.

Важным рубежом в эволюции официальной идеологии папского государства стала публикация книги Винченцо Джоберти «О моральном и гражданском первенстве итальянцев»²¹. В специфической духовной атмосфере кризиса Реставрации либерально-католическая идея, направленная против реакционного понимания «союза трона и алтаря», оказалась союзницей ультрамонтанизма, идеи единства церкви и ее независимости от светских властей отдельных стран. Массы верующих католиков оказались в ситуации выбора между церковной дисциплиной и складывающейся новой этикой индивидуальных свобод, гражданского долга и национальных ценностей. До поры до времени Риму удавалось сдерживать колебания путем осуждения новой этики. Со временем, однако, количество итальянских патриотов, сочетавших в своих чаяниях верность вселенской церкви и мечту о единой Италии, росло. Росла и их активность. Для папства эта перспектива, очевидно, была крайне нежелательной, поскольку ее реализация означала ликвидацию светской власти римского понтифика.

Богослов по образованию, туринец Винченцо Джоберти некоторое время прожил во Франции эпохи Июльской монархии; там много говорилось о европейском первенстве французов в отношении культуры, политических свобод и т.п. В 1843 г. Джоберти уехал в Брюссель, где постепенно сформулировал свое учение о превосходстве итальянцев, воплощенном в одновременном существова-

²¹ *Gioberti V. Del primato morale e civile degli italiani. Bruxelles, 1843.*

нии и взаимодействии целого ряда факторов: цивилизующей роли церкви, присутствия папства на итальянской территории, либеральных и национальных ценностей. Наблюдая за неудачами восстаний, устроенных сторонниками Мадзини, Джоберти подчеркивал свой реализм, который на деле сводился к готовности довольствоваться малозначащими результатами и к ставке на заговоры и политические сделки в духе Макиавелли. Фактически в отношении методов борьбы Джоберти возвращался к практике карбонариев, и единственным важным новшеством была фигура папы, олицетворяющего величие замысла. По идее Джоберти, папа должен был стать главным защитником и проповедником итальянской национальной идеи, буквально Спасителем (Salvatore) Италии.

Идеи итальянского превосходства над Францией и папы-Спасителя выродились в довольно оригинальную версию национализма, которой был уготован бурный, но краткосрочный успех. Популярность книги объяснялась тем, что в ней были сглажены углы, не рассматривались перспективы антагонизма в лагере патриотов Италии и рисовалась идиллическая картина всеобщего согласия. В ней говорилось о федералистском устройстве будущей Италии, об автономии городов, о сохранении неограниченной власти существующих династий и государей, на помощь которым должны поспешить лучшие граждане — «избранная аристократия», выделяющаяся интеллектом, опытом или богатствами. Итальянская конфедерация должна существовать под эгидой ее естественного лидера — папы, опирающегося на военную мощь Сардинского королевства. Популярность смутных идей Джоберти, подстегнутая несколькими переизданиями его книги, достигла пика накануне и сразу после избрания Пия IX. На начальном этапе революции 1848 г. эти идеи вполне конкурировали с другими учениями, в первую очередь — «умеренных» (*moderati*, среди которых — Чезаре Бальбо, Массимо д'Адзельо и другие) и Джузеппе Мадзини, причем имели широкое хождение и за пределами Папской области²². Помимо прочего, общая идея «либерального папы» вполне разделялась итальянскими мыслителями различных политических убеждений. Идеологический поворот середины 1840-х гг. придал событиям революции 1848 г. особый смысл. После краха идеи «либерального папы» как лидера политического объединения Италии Пий IX вынужденно оказался в лагере реакции, а папство стало одной из главных сил, препятствующих национальному объединению.

²² Идею наследие В. Джоберти (его собрание сочинений насчитывает 38 томов!) замечательно изложено в классических трудах: *Anzilotti A. Gioberti. Firenze, 1922; Omodeo A. Vincenzo Gioberti e la sua evoluzione politica. Torino, 1941.* Более кратко: *Woolf S.J. Op. cit. P. 350–361.*

Григорий XVI был очень стар, и его кончина 1 июня 1846 г. в возрасте 80 лет была давно ожидаемой. Новый папа (54-летний кардинал Джованни Мастаи-Ферретти) был избран быстро. Действия его на престоле в первые полтора года (с момента избрания 16 июня 1846 г. до начала итальянской революции в январе 1848) были решительными и новаторскими настолько, что в определенной части не только римского, но и итальянского и даже европейского общества быстро сформировался «миф о папе-либерале»²³. Уже 16 июля была объявлена амнистия политических заключенных. Госсекретарем стал кардинал Джицци, известный своими либеральными взглядами; к концу года были созданы специальные комиссии по пересмотру процессуальных норм, разработке мер против нищенства и безработицы, развитию образования и даже строительства железных дорог! В состав комиссий были включены несколько светских лиц. В 1847 г. была смягчена цензура, учрежден Государственный Совет при понтифике (*Consulta di Stato*), Совет министров и городская гвардия. Начались переговоры о таможенном союзе с Тосканой и Сардинским королевством. В ответ вспыхнули беспорядки, в которых обычно обвиняли консервативно настроенные слои населения. Пий IX попытался сдержать кризис. В ноябре 1847 г. при созыве Государственного Совета ему пришлось предостеречь его членов от попыток «даже на йоту поставить под сомнение суверенитет первосвященника»²⁴. В новом составе Совета министров не оказалось светских лиц. События в Риме непосредственно повлияли на настроения в Тоскане и Пьемонте (в частности, через обсуждение проблем присутствия религиозных орденов в городах Италии), что усугубило революционную ситуацию.

Таким образом, накануне общеитальянской и общеевропейской революции 1848 г. Папская область в своей практике, экономической и финансовой политике, отчасти даже идеологии начала поворот в сторону моделей развития, характерных для других итальянских государств. Южный сосед — Королевство Обеих Сицилий — имел близкий к Папской области уровень экономического развития, схожее политическое и идеологическое наследие последних десятилетий, сталкивался с подобными трудностями и вызовами. Поворот, намечавшийся в 1846–1847 гг., был связан с характером (и возра-

²³ История формирования и краха этого мифа была рассмотрена недавно в статье французского историка: *Jeangène Vilmer J.-B. Lamartine et Pie IX: La France Face à La Question Nationale Italienne En 1846–1849 // Revue Historique de Droit Français et Étranger*. 2006. Vol. 84. N. 1. P. 71–85. — URL: <http://www.jstor.org/stable/43852295>. (дата обращения: 20.02. 2022).

²⁴ *Diario di Roma*. 16 novembre 1847.

том!) нового понтифика; специфика теократического государства не позволяла римским публицистам и политикам отчетливо видеть общность политической судьбы Рима и Италии. Даже начавшиеся в январе 1848 г. протестные выступления в Милане, Ливорно и других итальянских городах не вызвали тревоги в Курии: рост уголовной преступности и уличного насилия в Риме не вызвал никакой особенной тревоги и принятия дополнительных мер полицейского характера.

Последующие события, однако, показали тщетность надежд на особую, отличную от итальянской, политическую судьбу Папской области. Рухнули проекты неогвельфизма: учение Джоберти показало свою несостоятельность, а папство в ходе революции перешло от фактического подпитывания либеральных надежд в лагерь консервативных сил. После выхода в свет энциклики *Quanta cura* с печально известным Силлабусом (1864) государство, бывшее сначала символом сопротивления Наполеону, а позже — Реставрации, стало оплотом сопротивления полному объединению Италии. Администрация Пия IX, осознавая отчаянное положение перед лицом Рисорджименто, вела поиск новой политической роли своего государства. Попытка вернуть то, что оказалось под угрозой в результате предреволюционных либеральных преобразований, обернулась значительными имиджевыми потерями и тяжелым ущербом для отношений между папством и светским обществом объединенной Италии.

Список литературы

Бондарчук В.С. Итальянское Просвещение // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / Под ред. Н.М. Мещеряковой. М.: Издательство Московского университета, 2002. С. 151–215.

Канделоро Дж. История современной Италии. Т. 2. От Реставрации до Национальной революции / Пер. В.С. Бондарчука; ред. Н.В. Рудницкая. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 569 с.

Adorni D. Il brigantaggio // Storia d'Italia. Annali 12. La criminalità. Torino: Einaudi, 1997. P. 283–322.

Anzilotti A. Gioberti. Firenze: Vallecchi, 1922. 436 + IV p.

Briano I. Storia delle ferrovie in Italia. Milano: Cavallotti, 1977. 288 p.

Demarco D. Il tramonto dello Stato Pontificio. Il Papato di Gregorio XVI. Torino: Einaudi, 1949. 304 p.

De Rita R. Il monte di pietà di Roma. Credito e beneficenza alla fine dell'Ottocento. Roma: Progetto Cultura ed., 2011. 191 p.

Gallio S. Oggi è un'ora di viaggio. La costruzione della strada ferrata tra Milano e Bologna. Bologna: CLUEB, 2009. 147 p.

Jeangène Vilmer J.-B. Lamartine et Pie IX: La France Face à La Question Nationale Italienne En 1846–1849 // *Revue Historique de Droit Français et Étranger*. 2006. Vol. 84. N. 1. P. 71–85.

Omodeo A. Vincenzo Gioberti e la sua evoluzione politica. Torino: Einaudi, 1941. 121 p.

Romeo R. Mezzogiorno e Sicilia nel Risorgimento. Napoli: Ed. scientifiche italiane, 1963. 194 p.

Wolf S.J. La storia politica e sociale // *Storia d'Italia*. V. 3. Dal primo Settecento all'Unità. Torino: Einaudi, 1973. 1544 p.

Поступила в редакцию
15 марта 2022 г.